

УДК 165.74

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-327-337>

Поступила: 01.08.2023

Принята: 26.08.2023

Опубликована: 06.10.2023

ЖИЛЬБЕР СИМОНДОН И ЭВАЛЬД ИЛЬЕНКОВ О ГУМАНИЗМЕ И ТЕХНОКРАТИИ

Тимашов Константин Николаевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Ж. Симондон (1924–1989) и Э.В. Ильенков (1924–1979) — выдающиеся философы второй половины XX в., занимавшиеся поиском ответов на вопросы, которые поставило перед человечеством развитие современной техники. Эти мыслители принадлежали к разным философским традициям, но их подходы сближаются в ряде существенных моментов. На первый план они выдвинули социокультурные аспекты интеграции техники в условиях, когда кибернетика привлекала всеобщее внимание в качестве методологии и ей отводили значимую роль в научно-техническом прогрессе как во Франции, так и в СССР. В данной статье поставлена цель выявить общее и различное в критике Симондоном и Ильенковым некоторых сущностных сторон технической цивилизации и в предложенных ими решениях ряда проблем, возникающих в ходе ее развития на современном этапе. В результате анализа и сопоставления текстов, написанных ими в 1950–1960-х гг., было установлено, что оба философа констатируют наличие дисгармонии в отношениях между культурой и техникой, возникновение которой они связывают с распространением технократического подхода к технике и человеку и связанной с ним мифологии. Оба автора стоят на гуманистических позициях и считают необходимым устранить технократические мифы, чтобы не допустить превращения техники в орудие порабощения человека. Однако их подходы существенно отличаются в вопросе об отношении к технике: Симондон принципиально отказывается рассматривать технику только как средство и наделяет ее определенной автономией, тогда как Ильенков считает ее прежде всего средством для достижения целей, которые общество формулирует для себя в качестве идеала. По этой причине советский философ настаивает на необходимости упразднения всех социальных, экономических и политических препятствий на пути создания условий для полного освобождения и всестороннего развития человека, а Симондон — выдвигая на первый план задачу интеграции техники в культуру через ее познание и выявление ее имманентных законов развития.

Ключевые слова: гуманизм, Ильенков, кибернетика, Маркс, отчуждение, Симондон, техника, технократия.

Для цитирования:

Тимашов К.Н. Жильбер Симондон и Эвальд Ильенков о гуманизме и технократии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 327–337. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-327-337>

GILBERT SIMONDON AND EVALD ILYENKOV ON HUMANISM AND TECHNOCRACY

Konstantin N. Timashov

HSE University (Saint Petersburg)

G. Simondon (1924–1989) and E.V. Ilyenkov (1924–1979) are outstanding philosophers of the second half of the 20th century, who searched for answers to the questions that the development of modern technology posed to the mankind. These thinkers belonged to different philosophical traditions, but their approaches converge in a number of significant points. They brought to the fore the sociocultural aspects of the integration of technology at the time when cybernetics attracted general attention as a methodology and was assigned a significant role in the progress of science and technology, both in France and in the USSR. This article aims to identify the common and the different in the criticism by Simondon and Ilyenkov of some essential aspects of technical civilization and in their proposed solutions to a number of problems that arise in the course of its development at the present stage. An analysis and comparison of texts written by the philosophers in the 1950s–1960s showed that both of them state the presence of disharmony in the relationship between culture and technology, the emergence of which they associate with the spread of the technocratic approach to technology and man and the mythology associated with it. Both authors stand on humanistic positions and consider it necessary to eliminate the myths of technocracy in order to prevent the transformation of technology into a tool for the enslavement of man. However, their approaches differ significantly in their attitude to technology: Simondon fundamentally refuses to consider technology only as a means and endows it with certain autonomy, while Ilyenkov considers it primarily a means of achieving goals that a society formulates for itself as an ideal. For this reason, the Soviet philosopher insists on the need to eliminate all social, economic, and political obstacles to the creation of conditions for the complete liberation and comprehensive development of man, while Simondon highlights the task of integrating technology into culture through cognizing it and identifying its immanent laws of development.

Keywords: alienation, cybernetics, humanism, Ilyenkov, Marx, Simondon, technology, technocracy.

To cite:

Timashov K.N. [Gilbert Simondon and Evald Ilyenkov on humanism and technocracy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 3, pp. 327–337 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-327-337>

На протяжении нескольких столетий гуманизм как особый тип философского мировоззрения выполнял функцию своего рода интегральной схемы в самосознании европейской культуры Нового времени. В этом смысле он не только связывал воедино всевозможные знания, но и преобразовывал и модулировал их определенным образом — в свете идеи человека. С появлением в конце XIX в. антигуманистической мысли гуманизм не переставал подвергаться критике. Утверждения о наступлении «конца» — «конца метафизики», «конца модерна»,

«конца истории», которыми отмечена интеллектуальная история XX в., — не переставали распространяться на все больший круг фундаментальных для европейской мысли понятий. Утверждение о приближающейся «смерти человека», высказанное в 1960-е гг. Мишелем Фуко в начале третьего десятилетия третьего тысячелетия, может показаться уже сбывшимся пророчеством, поскольку постгуманизм стал мейнстримом. Вместе с тем такие современники того же Фуко, как Жильбер Симондон и Эвальд Ильенков, несомненно принадлежат европейской ин-

теллектуальной традиции, были далеки от указанной тенденции. По этой причине изучение их понимания гуманизма в связке с вопросами, которые ставят развитие современной техники и цифровизация, представляется актуальной задачей, поскольку позволит уточнить спектр позиций в философских дискуссиях о человеке и технике, вызванных в середине прошлого столетия перспективами развития и внедрения вычислительной техники и кибернетики. Философские подходы к интеграции техники в культуру, выработанные на заре цифровизации, не утратили своего значения и в нынешней ситуации.

Жильбер Симондон и Эвальд Ильенков хотя и были сверстниками и довольно известными мыслителями, вероятно, даже не подозревали о существовании друг друга: мы не располагаем никакими сведениями о контактах между ними. Это можно объяснить тем, что взгляды советского философа формировались в марксистско-ленинской традиции при большом влиянии культурно-исторической психологии, тогда как его французский коллега разрабатывал свою философию в диалоге с экзистенциализмом, неогегельянством и феноменологией, бывшими в то время на пике своего влияния во Франции, а также исторической эпистемологией, гештальт-психологией, антропологией и др. Но их интересы во многом совпадали: оба занимались не только историей философии, но и вопросами эстетики, психологии, педагогики, а также теми проблемами, которые перед современным обществом ставит развитие техники.

Симондон предпринял попытку создать целостную философскую систему, по широте охваченных областей претендующую на поистине энциклопедический масштаб, но в наибольшей степени его занимало философское осмысление техники, в том числе новейшей, о чем свидетельствуют хотя бы названия его докторских диссертаций, защищенных в 1958 г., — «Индивидуация в свете понятий формы и информации» и «О способе существования технических объектов». На интерес Ильенкова к технике, четко обозначившийся в 1960-е гг., обращают недостаточно внимания. Вместе с тем, как известно, с началом Оттепели, когда в СССР идеологическое давление на науку несколько ослабло, кибернетика переживала период бурного развития, а с ее внедрением в различные отрасли народного хозяйства руководство страны связывало большие надежды, что даже нашло

отражение в Третьей Программе КПСС от 1961 г. Ильенков не остался в стороне от разгоревшихся вокруг кибернетики споров, более того, он был членом Научного совета по кибернетике при Президиуме АН СССР, который создал и возглавил академик А.И. Берг в 1959 г. Представляется, что именно развитие и перспективы внедрения «науки об управлении и связи в животном и машине» побудили как Симондона, так и Ильенкова выступить с критикой технократии и предложить такое понимание гуманизма, которое бы соответствовало новым условиям технической цивилизации.

Гуманизм — во множественном числе

Симондон неоднократно возвращается к понятию гуманизма в своей «дополнительной» диссертации «О способе существования технических объектов», изданной в виде книги в 1958 г.¹, а также в других текстах, относящихся ко времени работы над ней. На этот факт исследователи творчества Симондона редко обращали внимание, и долгое время оно оставалось в тени других понятий, которые сделали его имя известным во всем мире. К примеру, «Словарь Жильбера Симондона» [Chateau J.-Y., 2008] не содержит статьи «гуманизм», но Жан-Гюг Бартелеми уже включил его в свой краткий глоссарий из пятидесяти важнейших понятий этого философа [Barthélemy J.-G., 2015], а Ксавье Гюше дал своей книге характерное название «За технологический гуманизм. Культура, техника и общество в философии Жильбера Симондона» [Guchet X., 2010].

Одна из самых ранних публикаций Симондона имеет заголовок «Культурный гуманизм, негативный гуманизм, новый гуманизм». Это резюме доклада, прочитанного для молодой аудитории на конгрессе «Рабле и платонизм» в 1953 г. В соответствии с темой выступления, Симондон наделяет понятие гуманизма несколькими смыслами. Во-первых, это «позиция» (*l'attitude*) и «линия поведения», выраженная в словах из комедии Теренция «Сам се-

¹ Затем эта книга была переиздана еще при жизни Симондона в 1969 г., посмертные переиздания выходили в исправленном и дополненном виде в 1989, 2001, 2012 гг. Далее цитаты тех фрагментов из этой работы, которые не переводились на русский язык, приводятся в нашем переводе по последнему, наиболее полному изданию [Simondon G., 2012].

бя истязавший»: «Homo sum, humani nil a alienum puto» («Я человек, [и поэтому] считаю, что ничто человеческое мне не чуждо»), которые Симондон прочитывает как кредо *культурного гуманизма*: «Именно по той причине, что не существует раз и навсегда определенной природы человека, всякое событие и всякое единичное [в истории и географии] являются частью человечества. Перейти от наивного эгоизма, когда каждый принимает свои собственные обычаи и убеждения за чистый тип совершенного человечества, к всеобщей и щедрой мудрости, благодаря которой человечество мыслится как динамичное целое, разворачивающееся во времени и пространстве, культивировать в себе этот смысл участия в человеческом целом — это и есть быть человеком. Быть гуманистом значит желать быть человеком» [Simondon G., 2016, p. 72]. Во-вторых, Симондон связывает с гуманизмом критическую функцию в противостоянии «догматизму мнений», поэтому он получает именование *негативного*. Он утверждает, что ценностные установки негативного гуманизма, восходящие еще к Ренессансу, находят актуальное воплощение в экзистенциализме: «Его враг — это намеренный обскурантизм, а также деспотизм, который делает из человека средство. По этой причине, по нашему мнению, нельзя сбрасывать со счетов некоторые современные интеллектуальные движения, которые борются со всеми теми силами, которые стремятся отчуждать человека, лишить его наследия, сделать рабом мифов. Экзистенциализм — это единственное современное интеллектуальное движение, которому есть что противопоставить силам мистификации, таким как прагматизм, коммунизм, национал-социализм» [Simondon G., 2016, p. 72]. Несомненно, здесь Симондон опирается на Жан-Поля Сартра, которого упоминает в связи с атеизмом, и чьи слова, вынесенные в заглавие знаменитой работы «Экзистенциализм — это гуманизм» 1946 г., воспроизводит в своем докладе. Важно отметить, что для него экзистенциализм не является некой высшей формой гуманизма, исторически преодолевшей предшествующую стадию или вобравшей в себя все ее содержание, но рассматривается как дополнение, необходимый союзник конструктивного, культурного гуманизма.

Пересечение двух обозначенных путей гуманизма возможно, согласно Симондону, на новой территории и в рамках *нового гуманизма*, который рассматривает технику как человеческую реальность: «В масштабе человечества оно [размышление о технике] является тем же, что самопознание для индивида. Возможно, гуманизм мог бы обрести новое значение, если бы он стал этой активной рефлексией человечества о самом себе, в согласии с принципом “познай самого себя”, преодолевая индивида, чтобы применить этот принцип к более широкому кругу сообществ» [Simondon G., 2016, p. 74–75].

В дальнейшем эксплицитные ссылки на Сартра у Симондона уже не встречаются. И все же отголоски влияния экзистенциализма продолжают звучать на многих страницах дополнительной диссертации: «технический индивид», «освобождение техники» — в таких понятиях он анализирует в ней «способы существования» той части реальности, которую он предложил называть «технические объекты». Как бы перефразируя известный тезис Сартра «существование предшествует сущности», он утверждает, что суть техники заключается не в инструментальной функции, а в ее функционировании (что предполагает вариативность отношений «человек–техника», различное ее применение).

В книге «О способе существования технических объектов» понятие гуманизма также наделяется конструктивным и негативным смыслами и особо подчеркивается роль технического знания², но теперь оно получает именование *энциклопедизм*: «Всякий энциклопедизм — это гуманизм, если под гуманизмом понимать стремление вернуть статус свободы тому, что было от человека отчуждено, чтобы ничто человеческое не было ему чуждо; но открывать вновь человеческую реальность можно в разных смыслах, и каждая эпоха заново создает гуманизм, который всегда в определенной мере является ответом на обстоятельства, потому что он направлен на самый тяжкий аспект отчуждения, который несет в себе или производит цивилизация» [Simondon G., 2012, p. 144]. С этой точки зрения в энциклопедизме нужно ви-

² Ср. в многостраничном «Дополнительном примечании» к «основной» диссертации: «Гуманизм должен также (...) включать изучение техники» [Simondon G., 2017, p. 342].

деть не столько форму универсального и систематизированного знания, сколько стремление к знанию как к средству освобождения человека. Симондон выделяет три этапа в истории так понятого энциклопедизма. Эпоха Ренессанса преодолевала интеллектуальный и этический догматизм; *технический энциклопедизм* эпохи Просвещения стремился расширять и распространять технические знания, что привело к подъему промышленности; к середине XX в. уже назрела необходимость освободить человека от подчинения достигнутому колоссальных масштабов индустриальному производству. На этом новом этапе совершается переход к *технологическому энциклопедизму*, на который возлагается задача выработать адекватное знание современной техники, достигшей уровня «технических ансамблей».

Для Эвальда Ильенкова проблемы, которые перед человеком и обществом ставит развитие современной техники, становятся предметом исследований в 1960-е гг. В этот очень плодотворный творческий период он разрабатывал категории *идеала* и *идеального*. Именно в связке с ними он размышлял тогда над проблемами эстетики, психологии, педагогики, а также проблемами отношения «человек–машина». Итоговой работой стала книга «Об идолах и идеалах», изданная в 1968 г. Подобно Симондону, Ильенков рассматривал гуманизм как исторически развивающееся культурное явление. Он также высоко оценивал вклад деятелей эпохи Возрождения и Просвещения в развитие идей гуманизма, отдавая должное их борьбе с отчуждающими явлениями, но дальнейшее их развитие связывал, конечно, не с кибернетикой, а с немецкой классической, а затем и марксистской философией. В многовековой истории он видел последовательную конкретизацию идеала Человека как свободной всесторонне развитой личности. В эпоху Возрождения идеалом было провозглашено «земное, полнокровное жизнеизъявление каждого живого человека», «Человеку возвещает законы жизни только Наука, Самосознательное и никаких других авторитетов не признающее Мышление, постигающее законы Природы, а не Откровение» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 312]; материалисты XVIII в. провозгласили: «Пусть каждый Человек делает то, что хочет и может, к чему его определила Природа, лишь бы он не приносил

несчастий своему собрату по роду человеческому, не ущемлял права другого делать то же самое!» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 313]; социалисты-утописты XIX в. связали реализацию идеала Свободы, Равенства и Братства с трудом, промышленным производством и требованием специфической формой социальной организации; коммунистический идеал оформился как «всесторонне, гармонически развитая личность» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 372].

Таким образом, подходы Симондона и Ильенкова в понимании гуманизма как исторического явления в основном совпадают. Их существенные отличия проявляются в том, что советский философ не подчеркивал связь гуманизма с техникой, тогда как его французский коллега хотя и не упускал из вида социальные обстоятельства, все же не принимал в расчет политические, экономические и юридические аспекты связанных с гуманизмом идей.

Проблема интеграции техники в культуру

В первых абзацах «О способе существования технических объектов» Симондон описывает то, какой ему видится главная современная проблема в отношениях человека и техники. Он считает, что современная культура проявляет по отношению к технике своего рода ксенофобию, она видит в ней источник опасности и потому настроена к ней враждебно. Он утверждает, что техника противопоставляется человеку, потому что она не воспринимается как часть человеческой реальности. Как было отмечено выше, Симондон сформулировал и отстаивал идею «технологического энциклопедизма», и поэтому не мог согласиться с таким положением дел: «Оппозиция, выстроенная между культурой и техникой, между человеком и машиной, является ложной и безосновательной; за ней скрывается незнание или ресентимент. Прикрываясь легковесным гуманизмом (*un facile humanisme*), она скрывает реальность, насыщенную человеческими усилиями и природными силами, которая образует мир технических объектов, этих посредников между природой и человеком» [Simondon G., 2012, p. 9]. Согласно Симондону, здесь и кроется основная причина отчуждения, с которым сталкивается человек современной эпохи, именно с нею должен бороться «новый гуманизм». Может показаться странным, что, живя в середине XX в. в промышленно развитой

стране, этот философ заявляет, что техника не является частью культуры. Но если вспомнить, как часто звучала критика (во многом справедливая) в адрес технической цивилизации в устах ряда выдающихся мыслителей из числа современников Симондона (Шпенглер, Ясперс, Хайдеггер, Эллюль и др.), то эта констатация не покажется преувеличением.

Напротив, Симондон призывает к тому, чтобы рассматривать технические объекты как часть культуры, преодолеть разрыв между ней и техникой, тем самым устранить частичный характер существующей культуры. Он считает, что необходимо создать «техническую культуру» и прививать ее подобно другим областям знания — через образование: необходимо изучать технику в школе, она должна занять свое место среди других предметов вроде физики и математики. Но прежде необходимо познать технику, раскрыть ее сущность и законы развития — этому Симондон и посвятил значительную часть своей дополнительной диссертации.

Другой важный аспект разлада в культуре по Симондону заключается в том, что распространенное в культуре представление — и при том частичное — о технике уже не адекватно тем технологиям, которые к середине XX в. стали передовыми: будущее промышленности связано не с простой автоматизацией, а с широким внедрением кибернетических устройств, вычислительной техники и коммуникаций. Прделанный им анализ подвел его к выводу о том, что развитие техники после промышленной революции Нового времени действительно подчинило человека, поработило его не без тяжелых для него последствий, но в новейших технологиях имеется возможность для того, чтобы человек перестал быть частью большой машины и стал бы играть роль организатора «технических ансамблей» наподобие дирижера оркестра [Simondon G., 2012, p. 12].

В свою очередь для Ильенкова проблема противопоставления и противостояния культуры и техники не стояла, что не в последнюю очередь объясняется «технооптимизмом» советской системы: развитие средств производства напрямую связано с научно-техническим прогрессом, и в целом техника рассматривается как прогрессивное явление. М.Л. Бурова отмечает: «Для Ильенкова как марксиста техника — это часть культуры, предметного тела человеческой цивилизации, всего “неорганического тела человека”.

Реальность техники в том, что она производна от человека и противостоит ему. Объективно противостоящий индивиду мир духовной и материальной культуры, мир понятий науки, техники и нравственности и есть опредмеченное — реализованное в продукте — мышление человечества» [Бурова М.Л., 2015, с. 56]. Но это не значит, что с этой точки зрения между культурой и техникой не могло быть разрыва в принципе. Ильенков формулирует проблему так: «Либо индивидуум превращается в хозяина всей созданной человеческой культуры, либо он остается ее рабом, прикованным к тачке своей узкой профессии» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 373]. Другими словами, причины отчуждения культуры проистекают из системы разделения труда, а решение этой проблемы видится в создании «для всех без исключения людей равно реальных условий развития своих способностей в любом направлении» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 374]. При капиталистическом способе производства формируется, по выражению Маркса, «частичный человек», идеалом же является «тотально-развитый индивид».

Итак, Симондон и Ильенков подходили к одной и той же современной проблеме с разных сторон: первый направил свою критику на частичную культуру, второй — на частичного человека. И вместе с тем разница между их исходными позициями очень велика: едва ли советский философ согласился бы с тем, что преодоление отчуждения осуществимо через такую реформу культуры, которая не затрагивает отношения собственности.

Критика технократии

В сущности, «частичный человек» и «частичная культура» оказываются двумя сторонами одного явления, которое следует искоренить, и техника играет в этом далеко не последнюю роль. В вопросах, связанных с интеграцией техники в культуру, и Симондон, и Ильенков возлагают на философию критическую функцию, а именно разрушение мифов.

В этой связи нужно упомянуть, что разработка проблем кибернетики в СССР вызвала у Ильенкова неоднозначную реакцию. Довольно показательным, что его первым печатным откликом на *некоторые* проекты по практическому применению теоретических разработок этой

науки, завоевывавшей тогда все большую популярность, был памфлет в жанре научной фантастики «Тайна Черного ящика», написанный в 1962 г.³ В нем в гротескной форме высмеивалась попытка создания «машины, более совершенной, чем человек» через формализацию всех мыслительных функций мозга, человеческого мышления как такового. В статье 1965 г. «Машина и человек, кибернетика и философия», написанной Ильенковым в соавторстве с двумя другими членами Научного совета по кибернетике при Президиуме АН СССР, А.С. Арсеньевым и В.В. Давыдовым, те, в адрес кого высказывается критика, названы «горячими головами из числа поклонников кибернетики» — как в странах капитализма, так и в СССР [Ильенков Э.В., 2020а, с. 148]. Скептическое отношение к подобным проектам не означает, что Ильенков отказывал кибернетике в праве на существование. Напротив, как выразили свое отношение авторы этой статьи, они не призывают «поставить пределы развитию кибернетики и счетно-вычислительной техники», но настаивают на том, чтобы это развитие шло «в союзе с трезвыми научными представлениями, уже разработанными наукой, в частности философией» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 161].

Не вдаваясь в подробности этой полемики, отметим, что именно в отсутствии четкого научного обоснования проектов по машинному моделированию функций головного мозга обвинял некоторых разработчиков-кибернетиков профессор Колумбийского университета Мортимер Таубе, специалист по программированию и использованию компьютеров в научно-информационном деле, автор книги «Вычислительные машины и здравый смысл: миф о думающих машинах» [Таубе М., 1964], с которой Ильенков был знаком. Хотя ее автор не был марксистом и его критика звучала с совершенно иных позиций, Ильенков сходится с ним в главном: с кибернетикой связано немало мифов, а многие ожидания от нее беспочвенны.

³ Этот текст предполагался к печати в «Новом мире», но редакция журнала его не приняла. В итоге он был опубликован в другом периодическом издании и несколько раз перепечатывался, в том числе в книге «Об идолах и идеалах». Редактор-составитель и автор примечаний десяти-томного собрания сочинений философа А.Д. Майданский называет этот текст «любимой вещью Ильенкова» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 503].

Слова «миф» и «мифология» применяются Ильенковым по отношению к кибернетике многократно. Так, в книге «Об идолах и идеалах» он пишет: «И когда некоторые увлекающиеся поклонники кибернетики, забыв обо всем этом, начинают говорить, что человек абсолютно (а не только частично) тождествен машине, что человек — “это тоже машина” и только, а все остальное от лукавого, от поэзии или от “иррациональных эмоций”, то они и съезжают как раз с рельсов научности на рельсы самой что ни на есть настоящей мифологии. Ибо любая мифология и рождается из абсолютизации относительно верных представлений, из абсолютизации абстракций, которые на своем месте хороши и правильны, но становятся призраками-идолами, как только их начинают применять за законными границами их применимости» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 478].

Другой существенный момент связан с тем, что в «чрезмерном увлечении кибернетикой» Ильенков видит не что иное, как проявление технократической идеологии. Ее он понимает следующим образом: «Представление, согласно которому Машина — Большая Машина, как совокупность всех существующих и могущих появиться машин и машинок — есть высшая цель, то есть самоцель истории развития человеческой цивилизации, науки и техники, теории и практики. А Человек — живой человек, индивидуум — только средство, только живое говорящее орудие, с помощью которого осуществляется эта великая всепоглощающая цель. Средство, более или менее пригодное для осуществления цели, и не более» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 298]. Главной же опасностью является то, что, полагаясь на технические средства, ее носители стремятся закрепить существующий порядок и с выгодой для себя. В той же книге он особо подчеркивает этот момент: «И тогда, как и всякая мифология, такая абсолютизованная, то есть мифологизированная, кибернетика начинает по сути дела исполнять несвойственную науке функцию. Как и всякая религиозная мифология, она начинает служить способом духовного примирения человека с реальными нечеловеческими условиями жизнедеятельности большинства людей на земном шаре. Она начинает “освящать” от имени науки то обстоятельство, что живые люди до сих пор вынуждены исполнять при машинах чисто ма-

шинные функции, играть при машинах тяжелую роль детали, “части частичной машины” (К. Маркс). Человек все еще вынужден “прислуживать” машинам, вместо того, чтобы, передав все чисто машинные, чисто механические функции машинам, самому посвятить все свое свободное время труду подлинно человеческому, труду творческому, труду в сфере производства, науки, искусства и социального творчества» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 478]. Как видно из этих слов, угол атаки на технократическое мышление задает идеал, с которым философ связывал свою идею гуманизма.

Ильенков не ограничивает проблему отчуждения только сферой производства. Более того, понятие машины он трактует весьма широко, включая в него механизм рынка, государственно-бюрократический аппарат и другие «иерархически-организованные системы управления» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 490]. С этой точки зрения прежде всего сама товарно-капиталистическая система отношений предстает как машина машин, в которой человек вынужден исполнять функцию «частичной детали частичной машины». В то же время за эксплицитной критикой, с которой Ильенков обрушивается на технократов капиталистического мира, проглядывает также и критика реальной практики в странах социализма, где переход к коммунистическому общественному самоуправлению еще не осуществлен и сохраняется государственно-бюрократический аппарат [Ильенков Э.В., 2020а, с. 492]. Это переход, согласно Ильенкову, не может быть осуществлен без создания материально-технической базы, в которой должны быть применены достижения современной техники, в том числе кибернетики. Угроза ему видится в том, что средства будут ошибочно приняты за цель и машина превратится в «нового бога, нового идола», как это происходит в странах капитализма [Ильенков Э.В., 2020а, с. 479].

Подобно Ильенкову, Симондон указывает на существование мифологии, которой окружена кибернетическая техника и которая, по сути, препятствует возникновению технической культуры: «Перед лицом этого выражающего защиту отказа, который дала частичная культура [технике], люди, которые знают технические объекты и понимают их значение, стремятся узаконить свое суждение, наделяя технический

объект единственным признанным статусом наряду с эстетическим объектом, а именно статусом священного объекта. Так рождается разнужданный технизм, который является не чем иным, как идолопоклонством по отношению к машине, и через это идолопоклонство, посредством идентификации, технократическим стремлением к безусловной власти. ... Человек, который хочет навязать свою волю другим, стремится создать машину-андроида. ... Таким образом, машина, ставшая двойником этого человека, то есть роботом, лишенным внутренне-го, представляет самым очевидным и неизбежным образом нечто совершенно мифическое и выдуманное» [Simondon G., 2012, p. 10–11]. Сходство этой констатации с выводами Ильенкова, в существенных моментах доходящее до полного совпадения, по-настоящему поразительно. Действительно, исходные положения у них общие, но решение проблемы они видят по-разному, поскольку у них было диаметрально противоположное отношение к коммунизму. Как было ясно из слов Симондона в лекции 1953 года, он не считал, что у коммунизма есть адекватное решение этой проблемы; более того, он назван одной из трех современных «сил мистификации». Несколько лет спустя в книге «О способе существования технических объектов» также упоминаются три социально-политические доктрины: национал-социализм, американская демократия и коммунизм, названный здесь марксистским [Simondon G., 2012, p. 304–305]. Андреа Бардин считает, что критика, которая здесь звучит в адрес коммунизма, метит в сталинизм (под определенным влиянием не только Сартра, но и Мерло-Понти) [Bardin A., 2013, p. 27].

Вероятно, та же социально-политическая доктрина подразумевается в следующих словах: «Можно было бы назвать автократической философию техники, которая считает техническую совокупность местом, где машины используются для получения власти. Машина — это только средство; цель — завоевание природы, укрощение природных сил посредством первичного порабощения: машина — это раб, который служит тому, чтобы создавать других рабов. Такое господское, рабовладельческое устремление может сочетаться с намерением добиться свободы для человека. Но трудно освободиться самому, неся рабство другим су-

ществам (êtres) — людям, животным и машинам; управлять народом машин, которые подчиняют весь мир — значит все же управлять, а любое управление предполагает принятие схем подчинения» [Simondon G., 2012, p. 176–177]. Небезынтересно отметить, что этот фрагмент приводит фрейдомарксист Герберт Маркузе в своей знаменитой книге «Одномерный человек» [Маркузе Г., 1994, с. 209], в которой существующие социалистическая и капиталистическая системы рассматриваются как одно индустриальное общество, в основе которого лежит, согласно Маркузе, именно эта «автократическая философия техники» со всеми вытекающими последствиями⁴.

Но значит ли это, что Симондон так же резко отрицал значение Маркса? В заключительной главе книги «О способе существования технических объектов» Симондон делает оговорку: «Мы не хотим сказать, что экономического отчуждения не существует; но возможно, что первая причина отчуждения сущностным образом заключена в труде и что отчуждение, описанное Марксом, есть лишь одна из его разновидностей» [Симондон Ж., 2011, с. 102]. Другими словами, парадигма труда, лежащая в основе марксизма в любой его форме, не позволяет схватить основной источник отчуждения, который, согласно Симондону, проистекает из неадекватного восприятия техники и самой ее сущности, которая заключается, согласно ему, не в полезности и инструментальности, а в техническом функционировании — самом по себе и до всякого применения. В то же время Симондон не склонен преуменьшать последствия отчуждения, связанного с формой собственности: «совершенно справедливо, что экономические условия усиливают и упрочивают это отчуждение: в промышленной жизни технический объект не принадлежит тем, кто его использует. Впрочем, отношение собствен-

ности весьма абстрактно, и было бы недостаточно, чтобы рабочие стали собственниками машин для того, чтобы отчуждение резко убавилось. Обладать машиной еще не значит знать ее. И все же не-обладание увеличивает дистанцию между рабочим и машиной, оно делает их отношение еще более хрупким, внешним, недолговечным. Требуется найти такой социальный и экономический режим, в котором пользователь технического объекта был бы не только собственником этой машины, но и тем, кто сам ее выбирает и содержит в порядке» [Симондон Ж., 2011, с. 104]. Как видно из этой цитаты, Симондон учитывает фактор социально-экономических условий и совсем не считает его малозначительным. И все же ему отводится второстепенная роль, по этой причине произведенное в СССР обобществление средств производства он не считал достаточным для преодоления отчуждения.

Пусть это не вполне согласуется с тем представлением о коммунизме, которое прочитывается на страницах работ Симондона, но марксист-Ильенков также не считал, что одного лишь изменения формы собственности достаточно для преодоления отчуждения в его основе. Несомненно, это не было общепринятой точкой зрения, даже наоборот. Как он писал в докладе 1966 г. «Гегель и отчуждение», «формально-юридическое “обобществление” собственности, ее превращение в государственную, в общенародную собственность, согласно Марксу и Ленину, представляет собой *необходимо* первый, но лишь *первый* шаг на пути к *действительному* обобществлению материального и духовного богатства, накопленного в форме “отчуждения”» [Ильенков Э.В., 2020b, с. 93]. Второй шаг на пути к полному снятию отчуждения «совпадает с задачей создания таких условий непосредственного труда и образования, внутри которых каждый индивидуум — а не только некоторые — достигал бы подлинно современных высот духовно-теоретической, технической и нравственной культуры» [Ильенков Э.В., 2020b, с. 94]. Как показала история, этот второй, решающий шаг не был сделан. Как прокомментировал столкновение коммунистического идеала с реальностью А.Д. Майданский, в СССР «генеральная линия “реального социализма” — *ровно обратная*: огосударствление всего и вся вокруг. Вместо со-

⁴ Маркузе был одним из первых читателей книги «О способе существования технических объектов», с которой мог познакомиться в Париже во время преподавания в Практической школе высших исследований (EPHE), где в конце 1950-х гг. он вел семинар на тему «Тенденции индустриального общества». Резюме этих занятий, содержащее отмеченную цитату из книги Симондона, было опубликовано на французском языке в журнале «Аргументы» [Marcuse H., 1960], а позднее легло в основу шестой главы «Одномерного человека».

циализма “с человеческим лицом” строится *социализм машинный*. Коммунизм как был бродячим призраком, так им и остался» [Майданский А.Д., 2017, с. 62]. В то же время нельзя отрицать реальные достижения в преодолении отчуждения, обеспеченные уже первым шагом, как и социальные и индивидуальные приобретения, которые на этой базе достигались в дальнейшем.

Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью сказать, что сформулированный Ильенковым гуманистический идеал, заключающийся в движении к состоянию, когда «индивидуум превращается в хозяина всей созданной человечеством культуры» [Ильенков Э.В., 2020а, с. 372], вполне соответствует тому, к чему стремился Симондон, когда настаивал на необходимости «технической культуры». Оба указывали на препятствия, создаваемые технократической идеологией на пути к реализации этого идеала. Существенная разница проявляется в том, что советский философ связывал этот идеал и его реализацию с марксистско-ленинским социально-политическим учением, тогда как французский философ исходил из необходимости пересмотреть отношение «человек–техника» вне парадигмы труда. Современные критики капитализма приходят к выводу, что информационные технологии расширили и усилили эксплуатацию, т.е. фактор основных отношений никуда не исчез [Григорова Я.В., 2016, с. 101]. В этих условиях «технологический гуманизм» Симондона мог бы дополнить марксистскую критику в ее поиске стратегии преодоления отчуждения.

Список литературы

Бурова М.Л. Проблемы философии техники в творчестве Э.В. Ильенкова // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. 2015. № 3(9). С. 54–63.

Григорова Я.В. Информационные технологии как «машина эксплуатации» // *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право*. 2016. № 3. С. 98–102.

Ильенков Э.В. Собрание сочинений. Т. 3: Идеал. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 512 с.

Ильенков Э.В. Собрание сочинений. Т. 4: Диалектическая логика. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2020. 464 с.

Майданский А.Д. Коммунистический идеал Э.В. Ильенкова и реальный социализм // *Наука. Искусство. Культура*. 2017. Вып. 3(15). С. 59–65.

Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А.А. Юдина. М.: REFL-book, 1994. 368 с.

Симондон Ж. О способе существования технических объектов (Сокращенный перевод заключения) / пер. с фр. М.А. Куртова // *Транслит*. 2011. № 9. С. 94–105.

Тайбе М. Вычислительные машины и здравый смысл: миф о думающих машинах / пер. с англ. С.С. Вениаминова; предисл. акад. А.И. Берга. М.: Прогресс, 1964. 184 с.

Bardin A. De l’homme à la matière: pour une «ontologie difficile». Marx avec Simondon // *Cahiers Simondon / éd. par J.-H. Barthélémy*. Paris, FR: L’Harmattan, 2013. No. 5. P. 25–43.

Barthélémy J.-H. Glossaire Simondon: les 50 grandes entrées dans l’oeuvre // *Appareil*. 2015. No. 16. URL: <https://journals.openedition.org/appareil/pdf/2253> (accessed: 12.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.4000/appareil.2253>

Chateau J.-Y. Le vocabulaire de Gilbert Simondon. Paris, FR: PUF, 2008. 128 p.

Guchet X. Pour un humanisme technologique. Culture, technique et société dans la philosophie de Gilbert Simondon. Paris, FR: PUF, 2010. 280 p.

Marcuse H. De l’ontologie à la technologie: les tendances de la société industrielle // *Arguments*. 1960. Vol. 4, no. 18. P. 54–59.

Simondon G. Du mode d’existence des objets techniques. Paris, FR: Aubier, 2012. 368 p.

Simondon G. L’individuation à la lumière des notions de forme et d’information. Grenoble, FR: Jérôme Millon, 2017. 576 p.

Simondon G. Sur la philosophie (1950–1980). Paris, FR: PUF, 2016. 472 p.

References

Bardin, A. (2013). [From Humain to Matter: for «Difficult Ontology». Marx with Simondon]. J.-H. Barthélémy (ed.) *Cahiers Simondon* [J.-H. Barthélémy (ed.) *Simondon Notebooks*]. Paris, FR: L’Harmattan Publ., no. 5, pp. 25–43.

Barthélémy, J.-H. (2015). [Simondon’s Glossary: 50 Key Terms in the Works of Gilbert Simondon]. *Appareil* [Apparatus]. No. 16. Available at: <https://journals.openedition.org/appareil/pdf/2253> (accessed 12.07.2023). DOI: <https://doi.org/10.4000/appareil.2253>

Burova, M.L. (2015). [The philosophy of technology in E. V. Ilyenkov's works]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and Humanities in Information Society].

No. 3(9), pp. 54–63.

Chateau, J.-Y. (2008). *Le vocabulaire de Gilbert Simondon* [Simondon's Vocabulary]. Paris, FR: PUF, 128 p.

Grigorova, Ya.V. (2016). [Information technology as an exploitation machine]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Culture. History. Philosophy. Law]. No. 3, pp. 98–102.

Guchet, X. (2010). *Pour un humanisme technologique. Culture, technique et société dans la philosophie de Gilbert Simondon* [For a technological humanism. Culture, technology and society in the philosophy of Gilbert Simondon]. Paris, FR: PUF, 280 p.

Ильенков, Е.В. (2020). *Sobranie sochineniy. T. 3: Ideal* [Collected works. Vol. 3: Ideal]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 512 p.

Ильенков, Е.В. (2020). *Sobranie sochineniy. T. 4: Dialekticheskaya logika* [Collected works. Vol. 4: Dialectical logic]. Moscow: Kanon+ ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 464 p.

Marcuse, H. (1960). [From ontology to technology: Tendencies of industrial society]. *Arguments*. Vol. 4, no. 18, pp. 54–59.

Marcuse, H. (1994). *Odnomernyy chelovek: issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obschestva* [One-dimensional man: Studies in the ideology of advanced industrial society]. Moscow: REFL-Book Publ., 368 p.

Maydanskiy, A.D. (2017). [E.V. Ilyenkov's communist ideal and the real socialism]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura* [Science. Art. Culture]. Iss. 3(15), pp. 59–65.

Simondon, G. (2011). [On the mode of existence of technical objects]. *Translit*. No. 9, pp. 94–105.

Simondon, G. (2012). *Du mode d'existence des objets techniques* [On the mode of existence of technical objects]. Paris, FR: Aubier Publ., 368 p.

Simondon, G. (2016). *Sur la philosophie (1950–1980)* [About philosophy (1950–1980)]. Paris, FR: PUF, 472 p.

Simondon, G. (2017). *L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information* [Individuation in light of notions of form and information]. Grenoble, FR: Jérôme Millon Publ., 576 p.

Taube, M. (1964). *Vychislitel'nye mashiny i zdnavyy smysl: mif o dumayuschikh mashinakh* [Computers and common sense: The myth of thinking machines]. Moscow: Progress Publ., 184 p.

Об авторе

Тимашов Константин Николаевич

старший преподаватель департамента ближневосточных и африканских исследований

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
190068, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, 123;
e-mail: timashovkn@yandex.ru
ResearcherID: Q-5436-2017

About the author

Konstantin N. Timashov

Senior Lecturer of the Department of Middle Eastern and African Studies

HSE University,
123, Griboyedov canal emb., Saint Petersburg,
190068, Russia;
e-mail: timashovkn@yandex.ru
ResearcherID: Q-5436-2017